

духа и на фонѣ общей реалистической строгости писателя, на фонѣ его неподкупной честности, выступаетъ передъ нами не только какъ прекрасное, но и какъ правда. На Толстого можно положиться.

И это—тѣмъ болѣе, что не претитъ ему и не долга его обратная дорога отъ высокаго къ элементарной обыденности. Нарушая архитектуру разсказа, но оставаясь великимъ зодчимъ жизни (вѣдь только въ искусствѣ могутъ быть эпизоды, а жизнь ихъ не знаетъ, потому что въ жизни все—главное), онъ отъ героической смерти Авдеева поведеть настѣ въ деревню, гдѣ остались его родные, покажетъ намъ совсѣмъ другія перспективы, всю полноту горькой жизненной правды, и съ присущей ему силой разоблаченія изобразить этого старика-отца, который долго не хотѣлъ посыпать денегъ сыну и, наконецъ, собрался послать ему рубль, уже не заставшій сына въ живыхъ; эту мать, которая искренне сокрушалась, скучала по далекомъ Петрушенкѣ, а когда его убили, то „получивъ это извѣстіе, повыла, покуда было время, а потомъ взялась за работу“; эту жену Аксинью, которая тоже повыла, узнавъ о смерти любимаго мужа: „Она жалѣла и мужа, и всю свою погубленную жизнь, и въ свою нытьѣ поминала и русые кудри Петра Михайловича, и его любовь, и свое горькое житѣе съ сиротой Ванькою, и горько упрекала Петрушу за то, что онъ пожалѣлъ брата (попшель за него въ солдаты), а не пожалѣлъ ее, горькую, по чужимъ людямъ скитающуюся. Въ глу-